

IN MEMORIAM

Олег Михайлович Ноговицын
(1955—2019)

ПАМЯТИ ОЛЕГА НОГОВИЦЫНА

1 августа 2019 г. на 65 году жизни в Санкт-Петербурге скончался философ Олег Михайлович Ноговицын. Эпитеты, которые, казалось бы, подошли в некрологе к слову «философ»: выдающийся, замечательный и т. д. — все в данном случае одинаково излишни. Речь просто о философе, то есть настоящем философе, который — такая же великая редкость, как и настоящий поэт. Но что, собственно, мы имеем в виду?

Сейчас распространено представление о философии как академической области, со своей иерархией степеней, коррелятивной участию в престижных изданиях и публикациях. Это сообщество специалистов, ведущих между собою разговор о своих специальных предметах. Как и всякий специальный разговор, он ведётся на языке, непонятном для «человека с улицы». Олег был философом в другом смысле — в том, в каком (подчеркнём: речь не о масштабе и степени влияния, а исключительно о «как») философами были Сократ, Декарт, Гегель. Его мысль не опиралась на готовые предметы или ценности, но брала за отправные точки «парадоксы» — противоречия в обыденных представлениях о них. Нам кажется, что мы свободны («захотел, и поднял руку»), но свободны ли мы в своих желаниях, в своём отношении к миру? Свобода из наивно принятого как данность превращается в искомое, обретаемое — посредством диалектических шагов — в истории европейской мысли, от софистов до Канта.

Вот так, взявшись писать мемориальную статью, говоря об Олеге, мы невольно «сбились» на философский дискурс, и это неслучайно, поскольку оценить личность и наследие ушедшего философа невозможно без того, чтобы обратиться к разговору о философии, представление о которой замыливается, искажается и просто предается забвению столько же веков, сколько она существует.

Тем более это представление было искажено до почти полной неузнаваемости в советское время, когда единственной насаждаемой (да и то в оскотленном виде) формой философии была «марксистско-ленинская», при почти полном отсутствии свободы циркуляции книг и идей. Тем удивительнее то, что в этой ситуации Олег, как он вспоминает в интервью о своем пути в философии, сумел расслышать зов своего призвания, почувствовать дыхание философии там, где, казалось бы, ощутить его было невозможно.

Однажды в Кронштадте восьмиклассник, росший в семье потомственного морского офицера, вынося мусор, наткнулся на помойке на книжку о диалектике производительных сил и производственных отношений, раскрыл ее и в отразившейся в этом дискурсе логической красоте неведомого ему тогда первоисточника опознал свое.

Самым естественным после этого для Олега было поступить на философский факультет ЛГУ, что он и сделал с третьей попытки, успев поработать несколько лет рабочим на заводе, без чего на факультет марксистско-ленинской философии было не попасть даже парню с правильным происхождением. Но, как на поэтов и писателей не учатся в Литинституте, так и философы появляются не благодаря философским факультетам, не для этого они задуманы. Решающую роль в формировании будущего философа сыграло чтение в сложнейшие узловые тексты европейской философской мысли, обычно лишь «проходимые» (мимо) по университетской программе, например, Спинозы, по которому на 4-м курсе Ноговицын писал курсовик, вызывая недоумение профессуры: как можно было застрять на философе столь далеко по времени и идеям от вершины философии?!

Но кое-что полезное Олег из университета (он окончил ЛГУ в 1979 г.) вынес, — прежде всего, доступ к необходимым книгам, но и соприкосновение с таким серьезным и думающим специалистом по немецкой классической философии, особенно Гегелю, как Е. С. Линьков (последнему, впрочем, было партийным начальством запрещено преподавать как раз в те самые годы, когда Олег учился в университете). Факт тот, что именно способностью медленно читать и понимать Гегеля в конце 1980-х — начале 1990-х гг. О. Ноговицын был особенно известен в узком кругу соратников по философствованию.

Но не будем забегать вперед. Самообразование самообразованием, но после окончания ЛГУ О. Ноговицын, получивший распределение на кафедре философии в «Техноложке» (где и проработал долгое время), пока еще не обрел достойную его богоданного дара «среду рефлексии» — или, в переводе на обычный язык, достойную себя аудиторию соучастников в деле мысли, необходимую всякому философу. Открытием, и даже своего рода шоком, для О. Ноговицына (тогда еще наивного советского человека по своему кругозору и мировоззрению) оказалось посещение (благодаря знакомствам его встреченной на том же «факультете» супруги Евгении) философско-литературного салона Татьяны Борисовны Орловой (в начале 1980-х подобных салонов или

домашних семинаров в Ленинграде было несколько). Здесь были люди совсем иного склада, чем в его круге общения, — «инопланетяне», мыслявшие иначе и о другом (например, они изучали Бахтина), но главное — здесь была возможно свободная, не скованная советской (да, в общем-то, и никакой другой) идеологией интеллектуальная дискуссия. О. Ноговицын с его навыками философской рефлексии, выработанными за годы самообразования и учебы в ЛГУ, был моментально замечен теми, кто сознательно или нет искал встречи с живой философией, не удовлетворяясь ни официальными, ни «подпольными» суррогатами ее.

Хотя О. Ноговицын имел смелость и в этом новом кругу определять себя как марксиста (он действительно был одним из немногих в СССР, возможно и в мире, кто дал себе труд вникнуть в философские глубины мысли Маркса), высвобождение мышления от шор советской идеологии способствовало раскрытию его творческого потенциала, и неслучайно первая опубликованная им книга, в которой он предстал оригинальным и глубоким мыслителем, называлась: «Ступени свободы: Логико-исторический анализ категории свободы» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1990).

Итак, в этот период происходит несколько знаменательных для О. Ноговицына встреч — с теми, кто готов был с не меньшим самозабвением и интенсивностью заниматься философией. Не прекращая своего самостоятельного философского делания (без чего вообще не бывает философии), он начинает регулярно участвовать в семинарах по «медленному» прочтению и промысливанию важнейших философских текстов, часто играя в них роль ведущего или одного из наиболее активных участников. Многие из этих семинаров проходили в его скромной, но неизменно гостеприимной квартире. Наибольшее внимание в этих семинарах уделялось европейской рационалистической традиции, кульминацией которой была «Феноменология духа» Гегеля.

Надо сказать, что — ввиду наступившего тогда краха коммунистической идеологии — в среде, находившейся в интеллектуальной и эстетической оппозиции к режиму, преобладало дистанцирование от традиции, этим режимом «разрешенной» и «оприходованной». Казалось, что классическая традиция заведомо не способна дать точки опоры в противостоянии заезженным формулам «марксизма-ленинизма». В этой ситуации было особенно значимо существование человека, который мог показать, как возможна мысль, не опирающаяся ни на какие принимаемые на веру т. н. «ценности» (в том

числе и либеральные), ни на какой вообще предмет. Так вышло, что именно О. Ноговицыну в этой среде, где, в отталкивании от «трех источников, трех составных частей марксизма», было естественно обратиться к чему угодно (феноменологии, экзистенциализму, русской религиозной философии, православной догматике, философии буддизма), но не к Декарту, Юму или Гегелю, пришлось предстать именно за них, тем самым выявляя для участников семинаров непреходящее значение новоевропейской философской традиции.

Накануне распада СССР и краха коммунистической системы О. Ноговицын оказался одним из первопроходцев в организации независимого от государства образования в области философии и религии. Когда в 1990 г. группа ученых во главе с Н. А. Печерской организовала в Санкт-Петербурге при местном «Союзе ученых» образовательное учреждение «Высшая религиозно-философская школа», О. Ноговицын был среди ее «отцов-основателей» (единственный, надо сказать, вузовский преподаватель философии, имевший философское образование). Очень скоро лекции и семинары О. Ноговицына (а он читал курсы по античной и новоевропейской философии) приобрели огромную популярность. Аудитории, где они проходили (первоначально это были залы Кунсткамеры), буквально ломались от желающих приобщиться живой и несвязанной никакой идеологией философской мысли (хотя занятия были платными — страна входила в рынок).

Именно в это время сформировался уникальный преподавательский стиль О. Ноговицына, покорявший и захватывавший не одно поколение его студентов и слушателей. Передать ощущение от его лекций и семинаров тем, кто не соприкасался с самим О. Ноговицыным, достаточно трудно, но хотя бы отчасти это впечатление от его личности и способа мыслить дают записи его публичных лекций (их можно найти в Интернете¹). Эти никогда не читавшиеся «по бумажке» лекции не были изложением готовых знаний, готового материала (хотя Олег, конечно, продумывал все заранее и не раз), но создавалось впечатление — причем не ложное и не наигранно-театральное, — что философствование происходит здесь и сейчас, что с тобой делятся не готовыми знаниями о чем-то философском, но философией как самим процессом. В широком смысле это был сократический метод обращения с аудиторией. (Все более явное с годами сходство Олега с Сократом, которое не могло ускользнуть от его слушателей, — некоторые студенты за глаза называли его «наш Сократ» — лишь усиливало это впечатление).

При этом на своих лекциях и семинарах Олег открывал особое измерение мысли, — мысли, не опирающейся ни на какой предмет, чтобы на нем «передохнуть», мысли суверенной, беспредпосылочной. Это создавало у способных услышать ощущение чуда, «творения из ничего», чистого логоса! Философ наглядно демонстрировал, как можно мыслить «на собственной тяге», то есть без опоры на эрудицию (свою или слушателей). Такого ощущения рождающейся у тебя на глазах чистой философской мысли нам больше не приходилось встречать не только в России, но и за границей. Хотя в ВРФШ было немало замечательных лекторов, О. Ноговицын, по крайней мере среди преподавателей философии, был, пожалуй, наиболее популярным, а его лекции инициировали в философию немало талантливых студентов, да и просто слушателей, зачастую посещавших в ВРФШ только его курсы.

К этому периоду относится публикация нескольких важных статей в «Трудах ВРФШ» и издание О. Ноговицыным на основе сделанного кем-то из студентов конспекта его лекций небольшой по объему (всего 73 страницы), но чрезвычайно емкой по содержанию книги «12 лекций о досократиках» (СПб., ВРФШ, 1994), представляющих собой не плавное повествование, но собрание отдельных, образующих как бы пунктир высказываний, напоминающих фрагменты древнегреческих философов, — столь же насыщенных, глубоких, а местами и загадочных. В это же время у Ноговицына появились первые ученики, сохранившие верность учителю и его пониманию философии до самых последних лет его жизни, несмотря на то, что в более поздние годы (когда в философском образовании на первое место вышла эрудиция, зачастую подменявшая собой собственно философию) О. Ноговицын уже не был так популярен, как в первой половине 90-х годов прошлого века.

Специфика ВРФШ состояла в том, что в ней наряду с философскими курсами преподавались курсы по традиционным религиям. Особенно выделялись связанные с православным богословием. В этой ситуации, когда студенты могли посещать одновременно философские и богословские курсы, философ — и Ноговицыну это блестяще удавалось — призван был одновременно вступать в диалог с богословской (шире, религиозной и религиоведческой) проблематикой и, вместе с тем, сохранять суверенность беспредпосылочного и недогматического философского мышления. Не удивительно, что в этот период Ноговицын занимается осмыслением отличия многобожия от религии Закона, а последних — от христианства, усматривая это отличие

в рамках своего философского учения о формах бытия². Удивительно, что и здесь он не «съезжает» ни в область позитивных наук (религиоведение, искусствоведение, филология), ни даже в философию религии, а остается суверенным философом, автохтоном мысли, схватывая означаемые «предметы» чисто логически, как формы бытия. Материал греческой трагедии и мифа, например, привлекается им исключительно для «иллюстрации» того, что вытекает из понятия многобожия как такового. А что, если какие-то феномены религиозной жизни древних греков в усматриваемое философом понятие не вписываются? Ну, значит, эмпирическая религия греков была не вполне «чистым» многобожием. Ведь и математическое умозрение не опровергается тем, что стороны эмпирического треугольника не вполне прямые. Как говорил в подобных случаях Гегель, «тем хуже для фактов». Не меньшую свободу О. Ноговицын проявлял и в своем обращении к Св. Писанию, где блестяще, например, в толковании Книги Иова, сумел применить свой чисто философский метод³ без оглядки на традиционные богословские толкования.

Аналогично и осмысление Ноговицыным «поэтики русской прозы» (курс, вылившийся в монографию⁴), — являясь по сути онтологическим, оно не может быть поверено лекалом литературоведческой науки. Жизненные миры персонажей русских классиков им берутся как иллюстрация типов самоотношения субъекта. Это умозрение остается в силе, даже если окажется, что не все произведения или персонажи писателя, иллюстрирующие данный тип, соответствуют ему.

Не раз «обкатанный» в ВРФСШ курс «поэтики русской прозы» стал своего рода «пропуском» О. Ноговицына в СПбГУ (он туда перешел из «Техноложки»), где он последние годы был доцентом кафедры «Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению» (при филологическом факультете), — попросту говоря, центра повышения квалификации учителей литературы, которые не без удивления, смешанного у кого-то, вероятно, с недоумением, а у кого-то с восхищением, узнавали, что о русской литературе можно говорить так, как это делал Ноговицын.

Философский факультет СПбГУ, на котором были вполне осведомлены о своем выпускнике, так и не догадался (или не решился?) за все это время пригласить к себе на работу философа. Так что, когда в середине «нулевых» в связи со сменой рыночной ситуации в системе негосударственного образования и общим сдвигом в общественном сознании в сторону прагматики

закрылась ВРФШ, мест, где молодые люди, изучающие философию, могли оказаться на лекциях и семинарах Ноговицына, практически не стало.

Остались только неофициальные, не оплачиваемые семинары, которые О. Ноговицын вел до конца жизни. Они были рассчитаны на узкий, «внутренний» круг, то есть не содержали ориентированных на «человека с улицы» педагогических моментов. Попасты на них, впрочем, мог каждый желающий (информация о семинарах была широко доступна), но посещало их лишь небольшое число сохранивших верность учителю и его подходу к философии учеников. Именно на этих семинарах в течение десятилетий филигранно прорабатывалась основная тема «зрелого» Ноговицына: онтология чистой формы (в рамках которой разбиралось, например, диалектическое введение ряда «бестелесных» чисел). Незадолго до смерти О. Ноговицын успел издать монографию, посвященную этой теме⁵. Она слишком сложна, чтобы говорить о ней в формате некролога, и ждет, как и все наследие О. Ноговицына, самого пристального изучения. К счастью, семинары по онтологии формы, как, впрочем, и множество других лекций и семинаров, которые вел или в которых активно участвовал О. Ноговицын, размещены в Сети⁶, а многие материалы (как нам стало известно, в общей сложности речь о десятках тысяч часов, т. е. об огромном наследии) существуют в качестве видеозаписей, которые, надемся, рано или поздно станут доступны и окажутся предметом изучения.

Если у философии в России, — шире, русской философии — есть какое-то иное будущее, нежели плестись в хвосте модных на Западе течений (будь то постмодернистская или аналитическая философия), наследие О. Ноговицына будет востребовано и по достоинству оценено. Но независимо от этого уже сейчас можно сказать, что Олег Ноговицын — явление в русской философии уникальное, во многих отношениях замечательное, оставившее неизгладимую память в сердцах и умах тех, кто имел счастье с ним общаться, прикоснуться благодаря ему к подлинной философии. Это явление истинного философа, образом и образцом которого Олег, мы верим, останется в русской культуре.

*Г. И. Беневич, А. М. Шуфрин**

* *Беневич Григорий Исаакович*, кандидат культурологии, свободный исследователь;
Шуфрин Аркадий Матвеевич, PhD, Princeton University Library.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. курс «Введение в философию» из 9 лекций: <https://youtu.be/ICwUqV1DmGI>

² См.: *Ноговицын О. М.* *Онтология художественной формы.* СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2015. С. 7–18.

³ Там же. С. 25–40.

⁴ *Ноговицын О. М.* *Поэтика русской прозы. Метафизическое исследование.* СПб.: ВРФС, 1999.

⁵ *Ноговицын О. М.* *Онтология формы.* СПб.: Изд-во РХГА, 2019.

⁶ На ютуб-канале «Философский Штурм» несколько сотен записей лекций и семинаров: <https://www.youtube.com/user/philosophystorm/playlists>